

оправдать и объяснить свое несправедливое поведение, а та действительная необъяснимость, та иррациональность жизни, которую так хорошо чувствовал когда-то сам Толстой, отказываясь (хотя бы устами Левина) разобраться в жизненной путанице умом, теорией, мыслью и бездумно, беззастенчиво отдаваясь на мудрый произвол самой практики существования, самой жизни, где все, как он вбирал, „образуется“ ею и любви стихийной силой. Ведь славил же он в Лизе, героине „Двух гусар“, „сердце, не испорченное умом“: что же удивительного, если на трудные вопросы реальности этот портящий ум отвечает недоумием?

Ум не первенец природы, и оттого на ком лежит печать ее исключительного благоволения, те, ее особенные избранные и любимцы, движутся под знаком не ума и мысли, а непосредственной художественности; у них больше интуиции, чем рефлексии. Пусть Толстой захотел написать умный и дидактический „Разказ для дѣтей“, изобразить столь опасных и подозрительных в художественном отношении добрых малюток, отдающих свою еду голодным, — все-таки и здесь в результате возникли не поучение и приторные херувимы, а живая картина действительности, в которой не упущена даже бутылка термоса с теплым молоком и в которой так убедительно выступают эти малы дѣти, ради голодных крестьянских ребятшек ни за что не согласны пить молока, хотя